

ТАТЬЯНА ГЕРЦИК

ВЕТ В ОКНЕ

Татьяна Герцик

Свет в окне

*Текст предоставлен правообладателем
Текст предоставлен правообладателем:*

Аннотация

«...В дверях раздался скрежет поворачиваемого ключа. Ирина поспешила к дверям и подставила лицо входившему мужу. Он рассеянно чмокнул ее в щеку. За прошедшие годы это превратилось в настолько привычный ритуал, что Ирина не раз спрашивала себя, а заметит ли он разницу, если его встретит другая женщина?..»

Татьяна Герцик

Свет в окне

В широком дворе старого дома легкий ветерок играл багряно-золотистой осенней листвой, разметая ее по всему двору. Проходя мимо ряно машущего метлой дяди Феди, Ирина вежливо поздоровалась и заслужила в ответ кислое:

– Здравствуй, здравствуй, Иринка! И когда ты своего бора на диету посадишь? Растолстел – смотреть противно!

Покраснев от неловкости, Ирина бочком, как в детстве, прокралась мимо сердитого дворника и юркнула в подъезд. Ей было не по себе. Валерий и впрямь изрядно раздался, сказывался малоподвижный образ жизни, но что она могла сделать? Не заставляй же его бегать по утрам возле дома, как это делают некоторые пенсионерки? Он ее и не послушает, кстати. А на тренажерные залы у них денег нет.

По давно не отремонтированному, с облупившимися стенами, но чисто убранному подъезду поднялась на третий этаж, открыла дверь своей квартиры. До прихода мужа время еще было, и она, чуть нахохлившись, села за стол, разбирая тетради с сочинениями шестиклассников.

Современные детишки писали безграмотную чушь, и она жалела, что стала учителем русского языка и литературы. Захотелось сеять разумное, доброе, вечное, и вот результат – ни денег, ни уважения к самой себе.

Оставив на закуску тетрадки учеников, сочинения которых можно было прочесть без зубовного скрежета, принялась за записных двоечников. Она старалась с юмором относиться к их идиотским высказываниям, но порой досада и обида все-таки прорывались наружу, и она, ставя в конце сочинения жирную двойку, с горечью вздыхала.

Посмотрев на часы, поспешила на кухню. Валерий любил вкусно поесть, и Ирина старалась угодить ему хотя бы в этом, ежели уж создать настоящую семью у нее толку не хватило. Ей так хотелось малыша, но за десять лет замужества все ее беременности заканчивались разочарованием и горечью. Ирина чувствовала себя подлой обманщицей. Еще до свадьбы они с ним договорились, что заведут по меньшей мере троих малышей, а она так его подвела...

Если бы он не любил детей, было бы еще полбеды. Но она видела, как опускаются его плечи, и мрачнеет лицо, стоит ему услышать о прибавлении в семействе кого-либо из друзей или родственников.

В дверях раздался скрежет поворачиваемого ключа. Ирина поспешила к дверям и подставила лицо входившему мужу. Он рассеянно чмокнул ее в щеку. За прошедшие годы это превратилось в настолько привычный ритуал, что Ирина не раз спрашивала себя, а заметит ли он разницу, если его встретит другая женщина?

Они молча поужинали, после чего он отправился к телевизору, она продолжила проверку тетрадей. Порой ей каза-

лось, что жизнь замерла, и теперь так и будет до самой смерти.

Но через неделю убедилась, что жизнь все-таки не разучилась преподносить сюрпризы. Оказалось, что она в очередной раз беременна. А ведь они постоянно предохранялись!

Получится ли на этот раз? Присев на край кухонного диванчика, Ирина безнадежным жестом прижала к лицу руки. Если и в этот раз все кончится крахом, ей этого не пережить. При их разнице в группе крови – у нее третья отрицательная, у него четвертая положительная, – ей ни разу не удавалось доносить ребенка хотя бы до шести месяцев, до того срока, когда младенца можно дорастить в кувезе.

Как сказать о беременности мужу? Он давно отчаялся дожидаться малыша. Последнюю беременность он только злился на нее, обвиняя в обманутых надеждах, как будто она специально делала ему назло.

Ирина поежилась. В последнее время из их отношений совершенно ушла теплота. Она перестала быть для него желанной женщиной, и свои супружеские обязанности он исполнял по мере накопления семенной жидкости.

Хлопнула входная дверь, и Валерий молча, не здороваясь, прошел в ванную. Потом, не заходя к ней на кухню, будто ее и вовсе не было дома, прошагал в комнату и включил телевизор. Обидно. Тем более сегодня ей остро не хватало если не любви, то хотя бы интереса.

Пошла к нему в комнату. Прежде чем начать разговор,

заштормила окно. Он с удивлением смотрел за ее несколько нервическими движениями.

Подсев к нему на диван, она тихонько проговорила:

– Мне очень жаль, но я опять...

Он раздраженно выдохнул сквозь сжатые губы, ничего не сказав.

Вновь почувствовав себя виноватой, Ирина попыталась неловко оправдаться:

– Мы же предохранялись... Но, может быть, именно в этот раз все получится?

Валерий сердито пнул ногой воздух:

– Что получится? Ты будешь месяц за месяцем лежать на сохранении, я здесь буду куковать один, и что в результате?

Она потемнела и прошептала:

– И что ты предлагаешь? Аборт?

Он посмотрел на несчастное лицо жены и примолк, что-то соображая.

– Нет, конечно, нет.

Снисходительно обхватив ее за плечи, милостиво согласился:

– Ну хорошо, давай попробуем еще раз. Может быть, на этот раз повезет.

Ирина прижалась к знакомому, такому родному плечу и закрыла глаза, молясь о том же.

В очередной раз ставя ее на учет, участковый гинеколог кисло поджала губы. В ее резких движениях ясно читалось

осуждение. Ирина чуть слышно вздохнула. Все верно: не умеешь – не берись.

– Через пару недель вам снова придется лечь на сохранение. Сейчас появились новые методики и лекарства, возможно, они помогут.

Немного воспрянув духом, Ирина пошла домой, наслаждаясь уходящим теплом. Пожелтевшие листья, падая, мягко скользили по влажной траве, украшая собой увядшую зелень и серый асфальт. Где-то невдалеке из кафе доносилась негромкая музыка. В душе понемногу крепла надежда.

Все время, прошедшее до больницы, она тревожилась. В родильном отделении, знакомом как пять пальцев, стало полегче, но все равно на сердце оставалось беспокойство. Продержав с небольшими перерывами почти четыре месяца, ее выпустили, и она приехала домой, почти уверенная, что на этот раз все будет хорошо.

Для перестраховки ей дали больничный, исключительно для того, чтоб не нарушать течение сложной беременности, и Ирина много лежала и немного гуляла, свято соблюдая рекомендации врача. Порой она замирала, ощущая внутри себя слабые толчки ребенка, и блаженно шурилась от счастья.

Валерий был необычно озабочен и суетлив, что она приписывала приближающемуся отцовству. В самом деле, они столько лет мечтали об этом!

То, что муж не смотрит ей в глаза и при первой же возможности исчезает из дома, она не замечала, полностью за-

хваченная собственными ощущениями.

Чем больше был срок беременности, тем сильнее крепла надежда. Ирина зачеркивала в календаре дни, оставшиеся до родов, и уже подумывала купить детское приданое, чего прежде никогда не делала.

Как-то вечером она пошла погулять, но, едва выйдя, обнаружила, что забыла перчатки. На улице было холодно, пришлось вернуться. Открыв дверь, услышала виноватый голос мужа. Он говорил с кем-то по телефону таким нежно-просительным тоном, каким говорил с ней только в первый год их брака.

– Пойми, ладушка, я не могу! Ты же знаешь, что жена беременна! Да знаю, знаю, что ты тоже беременна! Но я не могу сейчас уйти к тебе, это будет просто жестоко! Ирина так хотела ребенка! Я не могу ее волновать! Подожди немного, вот она родит, я ей тут же все расскажу, и мы будем вместе!

Дальнейший разговор Ирина не слышала. В ушах что-то оглушающе зашумело, и она повалилась, напрасно цепляясь за окружающую ее пустоту.

Очнулась в роддоме. Живот был пуст, и она даже спросить ничего не могла от ужаса. Акушерка, обнаружив, что она пришла в себя, укоризненно заметила:

– Разве можно быть такой неосторожной?! Привезший вас муж аж белый был от волнения. Его самого отпаивать пришлось. – Заметив, что руки пациентки судорожно шарят по впалому животу, ответила на невысказанный вопрос: – Ребе-

ночек не выжил, бедняжка. Слишком сильно вы ударились, а он такой маленький был. Мальчик, они всегда такие хлипкие...

Ирине захотелось тихо умереть, чтобы никогда больше не чувствовать боли, и она замерла, положив руку на горло и безжизненно глядя в потолок.

На третьи сутки в палате появился Валерий. Видно было, что он раздавлен случившимся. Но Ирине от этого легче не стало. Он сел в ногах кровати и сдавленно признал:

– Прости меня. Я виноват. Не знаю, как это произошло, но я полюбил другую. Она ждет ребенка. – И нелепо развел руками: – Такая вот история.

Ирина молчала. Жить совершенно не хотелось. Он тихо спросил:

– Когда тебя выпишут? Я отвезу тебя домой.

Она не сразу поняла вопрос.

– Наверное, завтра.

Он поднялся, неловко потоптался у изголовья, чуть не поцеловав по многолетней привычке, но удержался и побрел к выходу, ссутулив плечи.

На следующий день он привез ее домой и, поеживаясь, попросил, явно повторяя чьи-то бессердечные слова:

– Мне очень жаль, Ирина, что все так получилось, но ты же понимаешь, что другой малыш ни в чем не виноват...

Ирина прервала его сумбурные речи:

– Ты хочешь развода?

Довольный, что не пришлось уговаривать и просить, он выдохнул «да».

– Ладно, завтра ходим в ЗАГС и все оформим. Думаю, возражать никто не будет. – Ирина не понимала, почему еще жива. Жизнь превратилась во что-то малозначащее и ненужное.

Валерий с облегчением кивнул, развернулся, вышел из квартиры, и она услышала, как безнадежно хлопнула входная дверь.

Ирине стало ужасно холодно, будто она сидела голая где-нибудь на Северном полюсе. Не раздеваясь, забралась под пуховое одеяло и застыла, свернувшись одиноким калачиком. Озноб не проходил, все набирая силы, и вот уже зубы клацали так, будто она проверяла их на прочность.

Утром встала, шатаясь от слабости и не понимая, как жить дальше. Конечно, не она первая, не она последняя брошенная жена, но подобные банальности вовсе не утешают, скорее наоборот. Но давать Валерию повода для жалости она не будет. Она сильная, и у нее есть гордость. Завтра придет в ЗАГС, подпишет все бумаги и начнет новую жизнь. Без него. И он никогда не узнает, как сильно ее ранило его предательство.

Он уже нетерпеливо ждал ее у входа в ЗАГС, беспрестанно поглядывая на часы. Сухо поздоровавшись, провел в кабинет, где она подписала какие-то бумажки.

Десять лет брака закончились в неприличной спешке.

Первым выскочил из здания муж, теперь уже бывший, Ирина вышла следом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как знакомая машина отъезжает от здания. Впереди сидела торжествующе улыбающаяся молодая особа. Самого Валерия Ирина не видела, но чувствовала, что он отвечает спутнице такой же открытой радостной улыбкой.

Почему-то в этой неприглядной истории это показалось ей самым подлым. На глазах снова закипели слезы, но она стиснула зубы, растянула затвердевшие губы в фальшивой улыбке и быстрыми шагами направилась домой.

Снова свернувшись бесприютным калачиком в холодной одинокой постели, с благодарностью подумала о лечащем гинекологе, выдавшем ей больничный по беременности и родам, а не по выкидышу. Теперь у нее есть время успокоиться.

Родителям и родным ничего говорить не стала. Когда звонили, говорила, что все в порядке, но она сейчас никого не хочет видеть. Они понимали и проявляли деликатность. Подруга Света, правда, заподозрила неладное и примчалась, но Ирина ей просто не открыла. Лежала, свернувшись все тем же клубочком, и безрадостно слушала, как надрывался звонок. Потом и вовсе заснула. Заснуть навсегда – что может быть приятней? Ни боли, ни тоски...

Иногда, когда желудок особо настойчиво требовал еды, вставала, ползла на кухню, открывала холодильник, что-нибудь из него вытаскивала, съедала и снова ложилась в свое уютное гнездышко, стараясь ни о чем не думать.

Но вот однажды, открыв холодильник, с удивлением обнаружила, что внутри ничего нет. Пусто. Поскольку помирать от голода было глупо, пришлось одеваться. Посмотрев в зеркало, пренебрежительно вытянула губы.

Ну и страшилище! Бесцветная как бледная поганка, сальные волосы висят, голубые глаза потухли. Хороша, нечего сказать. А ведь она всегда старалась выглядеть прилично. Нет, позориться, выходя в таком виде на улицу, она не будет.

Пришлось лезть в ванную. Вымывшись, почувствовала себя значительно лучше. Натянула свитер и джинсы, в которые до больницы не могла влезть, и которые теперь болтались на ней, как тряпка на швабре, затянула потуже пояс и отправилась в ближайший универсам. Молясь про себя, чтобы не встретилась ни одна из любопытных соседок, добежала до магазина. Ее несколько пошатывало от свежего воздуха. Еще бы, столько времени просидеть дома, удивительно, что она вообще ходить еще может!

С голоду набрала продуктов больше, чем могла унести. Выйдя из гастронома с полным пакетом, поняла, что преодолеть двести метров до дома для нее непосильная задача.

Взгромоздила пакет на скамейку, и села, не зная, что делать. Рядом кто-то встал, но она даже головы не повернула, чтобы посмотреть. Просидев минут десять, с легким вздохом протянула руку к пакету и встала, чуть пошатнувшись. Кто-то ее подхватил, прижав к себе. Подняв, наконец, глаза, ошеломленно вздохнула.

Это был Родион! Тот смешной мальчишка, что не давал ей проходу лет с шестнадцати. То есть это ей было шестнадцать, а сколько же было ему? Десять? Или и того меньше? Она вспомнила, как он чуть не испортил свадьбу, требуя, чтобы она ушла от Валерия и подождала, пока он не вырастет. И вот он вырос.

Твердо взяв под руку, Родион повел ее к дому. Ирина молча подчинилась, не понимая, откуда он взялся. Столько времени не появлялся, и вдруг... Она была уверена, что он понял безнадежность своего мальчишеского увлечения и нашел более подходящий для ухаживаний объект.

Вопросительно поглядывая на него, молча шла рядом. Все равно одной ей до квартиры не дойти, слабость не отпускала.

Родион молча вел ее по запущенной аллее и разрывался между абсолютно противоречивыми чувствами: досадой на Валерия за то, что он оставил Ирину в таком положении, и облегчением что он, наконец, убрался восвояси.

За все годы ее замужества он ни на минуту не выпускал Ирину из виду, зная обо всех нюансах ее жизни. Давным-давно хотел вмешаться, но понимал, пока она замужем, у него нет ни малейшего шанса. Уж слишком она порядочная, да и любила своего пузатенького муженька.

И вот теперь этот шанс появился. Главное, чтоб беглый муж не вздумал вернуться обратно, пока у них с Ириной не появится собственный ребенок. Тогда уж этому олуху обрат-

ного хода не будет, об этом он постарается.

Зашли в дом, стали подниматься на третий этаж. Ирина шла медленно, отдыхая на каждой площадке, и он с сочувствием смотрел на ее покрывшееся испариной лицо. Он бы с удовольствием отнес ее на руках, но не хотел вызвать возмущение. Уже то, что она, не противясь, шла с ним, говорило о ее крайней слабости.

Около своей квартиры Ирина чопорно произнесла, слегка задыхаясь и благодарно склонив голову:

– Большое вам спасибо, но дальше я сама.

Родион иронично скосил на нее глаза, нагло порылся в ее сумочке, вытащил ключи от квартиры, открыл дверь и вошел внутрь вместе с хозяйкой. Ирина, чувствуя, как от непомерного усилия по лбу и спине катится холодный пот, сделала еще одну попытку выставить вон незваного благодетеля:

– Вас наверняка ждут дома, и я не смею больше вас задерживать!

В ответ Родин отрицательно покачал головой. Отнес пакет на кухню, разложил продукты по полкам холодильника. Кефир и йогурт его совершенно не вдохновили. Решив сходить в магазин еще раз, повернулся к подошедшей к нему хозяйке.

– Как у вас все запущено! Такое чувство, что здесь давным-давно никто не живет.

Ирина поежилась. Как верно сказано! Никто не живет. Так оно и есть. Вряд ли то аморфное существование, что она

вела в последнее время, можно назвать жизнью.

Родин пристальнее посмотрел вокруг. Мебель была старой, неудобной, купленной, видимо, еще ее родителями.

– А почему вы в квартире ничего не поменяли? Вам нравится такая обстановка?

Ирина села на стул – ноги больше не держали. Какая разница, какая вокруг мебель? Она никогда не переживала ни из-за старой мебели, ни из-за отсутствия модной одежды. Для нее главным был лад в семье.

Пристально следивший за ней Родион обо всем догадался.

– Вы машину купили! Небось в долги из-за этого влезли. Ваш бывший простой инженер на «Моторостроителе», а там зарплата крошечная, да и дают ее не во время. Но мужик без машины – не мужик. Он вам не это говорил, когда все семейные деньги на свои удовольствия просаживал?

Она не поняла его запала. Что плохого в том, что у них была своя машина? Жаль, что на ее обслуживание уходила почти вся ее зарплата, зато можно было ездить, куда хочется. Правда, Валерий куда больше возил своих родственников и друзей, считавших их машину своей, а его кем-то вроде бесплатного извозчика, но это мелочи.

Вспомнив, что она осталась и без мужа, и без машины, с трудом сдержала слезы. Без машины-то она бы прекрасно обошлась, но без Валерия ей так одиноко...

– Да забудьте вы этого дурака, право слово! – Родион не считал нужным сюсюкать. – Он вас недостоин!

Ирина с укором посмотрела на него, такого самодостаточного и самоуверенного. Если бы это было так просто, она бы сделала это давным-давно.

– А чтоб вам было легче его забыть, я сегодня же к вам перееду. Если б у меня была своя квартира, я бы вас к себе забрал, здесь и для одного-то тесно, но я с родителями живу, они меня не поймут.

Она задохнулась, не в состоянии поверить своим ушам. Резко встала, готовясь прочесть решительную отповедь. Но в голове тут же зашумел неведь откуда взявшийся песок, и в глазах потемнело.

Родион едва успел ее подхватить – он в это время с недовольной усмешкой изучал допотопный холодильник выпуска середины шестидесятых, видимо, еще родительский. Неловко держа ее на руках, прошел в спальню. Там стоял затхлый нежилой запах. Похоже, в нее не заходили несколько месяцев. Положив Ирину на кровать, раздвинул шторы и открыл форточку, впустив свет и свежий воздух.

Спальня была обставлена во вкусе его бабушки: большой комод с зеркалом посередине, громоздкая деревянная кровать, занимавшая практически все свободное пространство, неизбежный шифоньер и пара тумбочек у изголовья.

Представив, что Валерий делал в этой кровати с женой все, что хотел, Родион судорожно сжал зубы и зло откинул вышитое кремовое покрывало, одним скользким движением вытянув его из-под неподвижной женщины.

Ирина чуть пошевелилась, туманно посмотрела на него, что-то неясно прошептала и закрыла глаза, провалившись в сон. Положив ей под голову большую подушку, он тяжело задумался. Ему и прежде приходилось раздевать женщин, но не в подобной ситуации.

Как хотелось снять с нее одежду, наслаждаясь ее одобрением и ясной улыбкой! Но до этого, похоже, еще очень далеко. А сейчас она, проснувшись без своей тяжелой амуниции, будет сильно обижена, но оставить ее париться в теплых джинсах и шерстяном свитере он тоже не мог.

Подрагивающими руками стянул с нее одежду, оставив комплект бирюзового белья с серебристой отделкой. Тщательно укрыв одеялом, ушел от греха подальше на кухню.

Заварив крепкого чаю, сел за угловой столик на довольно удобный диванчик и стал обдумывать дальнейшие действия.

Спать ему придется в другой комнате, пока она к нему не привыкнет. В этом деле торопиться не стоит. Оттолкнуть ее от себя легко. Перед глазами возникло тоненькое, почти невесомое тело, и сердце пронзила острая жалость. До чего же она себя довела! Он раньше никогда и не подозревал, какая это жуткая штука – депрессия.

Из комнаты слышались странные звуки, и он пошел посмотреть, в чем дело.

Свернувшись в тугий клубок Ирину била отчаянная дрожь. Даже зубы выбивали жутковатую дробь. Он пошарил по углам, надеясь найти еще что-нибудь теплое, чтобы ее

укрыть. В соседней комнате нашел теплый плед, накинул на нее, никакого эффекта. У нее даже нос заострился и стал страшноватого сизого оттенка.

Родион немного поразмыслил, признавая неэтичность своего замысла, но тут она чуть слышно застонала, глубже зарываясь в подушку в поисках тепла, и он решился. Раздевшись до плавок, нырнул к ней в постель и прижал к себе. Она была до того холодна, что его самого пробила крупная дрожь. Он ужаснулся.

Разве может нормальный человек иметь такую температуру? Чтобы ее согреть, обхватил ее руками и просунул ногу между ее плотно сжатых коленей.

Его страх, что в такой опасной близости с желанным телом он не сможет с собой совладать, не подтвердился. Виной тому или холод, или жалость, но он хотел лишь одного – согреть ее.

...Спать было на удивление приятно. Лежащее рядом жаркое тело растопило ледяную пустыню, в которой Ирина жила все последнее время, и ее тело больше не сворачивалось в клубок, стремясь удержать ускользящее тепло. Приоткрыв один глаз, она увидела рядом с собой широкие плечи и блаженно зажмурилась.

Какой дурацкий сон ей приснился! Про потерянного ребенка, развод, новую жену Валерия, когда вот он, как обычно, лежит с ней рядом. Она потянулась, как проснувшийся

котенок, наслаждаясь покоем. Но тут бедро вместо мягкого животика Валерия наткнулось на твердые мышцы, и сознание высветило удручающую истину – с ней рядом спал вовсе не муж.

Это кто?.. От охватившей паники память заблокировалась, и имя парня напрочь вылетело из головы. Кто он? Роман? Ростислав? Нет, вроде Родион. Точно.

Она уставилась в распахнутое окно, за которым сумеречно светилось небо. Вечер или утро?

– Вечер. – Хрипловатый со сна голос ударил по нервам, как взрыв, и она подскочила, испугавшись. – Ну и холодная же ты была. В тебе что, крови больше не осталось?

Она почему-то возмутилась.

– Попрошу мне не тыкать! – это получилось по меньшей мере презабавно.

Понимая весь комизм ситуации, Родион иронично заметил:

– Конечно, сон в одной постели вовсе не повод для знакомства, это точно.

Ирина положила тонкую руку на лоб, пытаясь привести в порядок разбегавшиеся мысли. Какой она городит вздор! Единственное оправдание, у нее нет опыта в таких сумасбродных ситуациях.

Родин повторил свой вопрос:

– Ну, так как там с кровью?

Пришлось признаться:

– Была большая кровопотеря, но нужной крови не оказалось ни в больнице, ни на станции переливания крови. Влили физраствор, и все.

Он прикрыл глаза, чувствуя, как сердце гулками толчками разносит по жилам кровь. Почему его не было рядом, когда он был так нужен? Ладно еще, что все обошлось.

– Теперь я буду тебя откармливать.

Она недовольно пожевала губами, но промолчала, покаясь. Все равно на препирательства сил нет. Облокотившись на локоть, он посмотрел на нее. Ласково поправив завиток на ее лбу, спросил:

– Ты лежи, а я сейчас что-нибудь придумаю.

Он легко встал и принялся натягивать узкие джинсы. Энергично попрыгав, застегнул молнию и обратил внимание на Ирину, уткнувшуюся носом в подушку и издающую странные кудахчущие звуки. Испугавшись, что она плачет, Род сел рядом и успокаивающе положил руку на оголившееся плечо.

– Ну что ты, перестань!

Она оторвала от подушки один смеющийся глаз, пару раз моргнула и опять уткнулась в подушку. Он задохнулся.

– Да ты надо мной смеешься! Ну погоди! – и рывком повернул ее на спину.

Ее губы оказались даже слаще, чем он воображал в своих горячечных фантазиях. Она лежала неподвижно, не поощряя его, но и не отталкивая. Он нежно исследовал ее ли-

цо, радуясь ее непротивлению. Сердце несколько раз пропустило удары, и он оторвался, понимая, что для первого раза этого достаточно.

Лукаво подмигнув, сообщил:

– Будем считать, что это первое знакомство! – и, натянув джемпер прямо на голое тело, исчез в коридоре.

Хлопнула дверь, и Ирина осталась в одиночестве. Она недоуменно уставилась в потолок, медленно приходя в себя. Что это с ней? Так самозабвенно она не смеялась уже много лет, после первого выкидыша. А ведь когда-то она была веселой, даже смешливой. И вот сегодня снова вела себя как беспечная девчонка. И она снова захихикала. Это было так уморительно: видеть, как двухметровый мужик прыгает, изгибаясь, пытаясь натянуть на себя слишком узкие джинсы. Хотя, если честно, сидели они на нем хорошо.

Мысли перескочили на последовавший за ее смехом поцелуй, и она притихла. Это была награда. Награда за смех, за возвращение к жизни.

Почувствовала зверский голод. Выбравшись из-под одеяла, медленно поднялась, чувствуя себя куда лучше, чем утром. Настойчивое внимание молодого, красивого, полного сил мужчины заставило ее вспомнить, что она еще женщина. Несмотря ни на что.

Вытащив из шифоньера симпатичный велюровый халат, надела его, затолкав опасение о том, что его слишком легко снять, в самый уголок сознания. Если Родион проспал с ней

полдня, только обнимая, то наверняка сможет просидеть пару часов спокойно.

Она ждала звонка, но вместо этого щелкнул замок, и в комнату заглянула взлохмаченная голова.

– Привет! Встала? А зачем? Мне так хотелось покормить тебя в постели!

Сообразив, что со сна выглядит не лучшим образом, она поспешила в ванную. Там на нее из зеркала глянула изможденная поблекшая особа с землистым лицом, и настроение резко упало.

Что Родион в ней нашел? Сразу вспомнились уголовные хроники про доверчивых дурочек, отдавших все свое имущество брачным аферистам. Но брачные аферисты, как правило, не ухаживают за своими жертвами с десяти лет.

Что ж, если он и любил ее первой мальчишеской любовью, то при более близком знакомстве кумир быстро сверзнется с пьедестала. Умылась, насмешливо улыбаясь своему отражению. Даже не пытаясь подкраситься, чтобы выглядеть хоть чуть-чуть приличнее, прошла на кухню и пораженно ахнула.

Весь стол был завален деликатесами. Они с Валерием не покупали такую вкусноту даже на семейные торжества.

Родион стоял перед горой покупок, озадаченно почесывая затылок.

– Как ты думаешь, что нужно съесть сразу, а что можно убрать в холодильник?

Поневоле включилась в сортировку. Наконец с продукта-

ми разобрались. Запыхавшаяся хозяйка присела на диван.

– Зачем вы столько накупили? Это же и за месяц не съесть!

– Да почему ты так решила? Этого и на пару дней не хватит! И кончай мне «выкать»! Я от этого себя столетним стариком чувствую!

Обескураженная Ирина надулась, как обиженная девчонка, и поразила своей странной реакцией. Она же педагог с десятилетним стажем, почему не может призвать к порядку этого распущенного мальчишку?

Род подогрел в микроволновке куриные рулетики, сдобрил их соусом из пластикового пакета и подвинул порцию Ирине. Голод не дал ей поиграть в гордую оскорбленную особу, и она нечаянно съела все. После еды ее отчаянно потянуло в сон.

Родион только пожал плечами, когда в ответ на его вопрос Ирина широко зевнула, звонко щелкнув зубами и удивленно заморгав.

– Чудненько! Ведем растительный образ жизни: спим и едим. Это хорошо. В постель отнести?

Чтобы избежать подобного действия, Ирина резко встала, отчего у нее снова закружилась голова. Род протянул руки, радуясь нежданной оказии, подхватил ее на руки и отнес в кровать. Она нерешительно взялась за пояс халата, искоса взглянув на него, и он понятливо ретировался на кухню.

Наевшись сам, убрал со стола, вымыл посуду и подмел

пол. Долго мыл руки под краном, тняя время. Но заглянуть в спальню все же пришлось. Она спала бесшумно, снова свернувшись калачиком и натянув на себя одеяло и плед. Но ей все равно было холодно. Он тяжело вздохнул и посмотрел на часы.

Времени было всего восемь вечера. Если учесть, что он славненько подремал сегодня, то до утра ему не заснуть. А он не настолько свят, чтобы справиться с мужскими желаниями, особенно когда предмет их удовлетворения так близок. Укрыв Ирину зимним пальто, решил, что на ближайшее время этого хватит.

Помотав головой, отгоняя неприличные видения, решительно отправился в стоящий напротив родительский дом. Мать, удивленно глядящая на сына, собиравшего свою походную сумку, спросила:

– Ты куда? Тебе же до вахты еще целый месяц?

Родин обтекаемо сказал:

– Да я недалеко, не волнуйся! Я позвоню! – и, чмокнув ее в щеку, сбежал по лестнице.

Вытащив из сумки плотную синюю пижаму по крайней мере на пару размеров больше, чем нужно, показал язык воображаемой сестре, подарившей эту пижаму на прошлый Новый год с пожеланием поскорей остепениться.

– Вот и сбывается твоя заветная мечта, сестренка!

Ирина заснула на самой середине кровати. Родион примерялся и так и этак, наконец, подвинув ее к стене, улегся с

краю, хихикая над своим гламурным обликом. Синяя с серебристым кантом пижама придавала ему весьма пикантный вид.

Обняв Ирину и почувствовав, как она оживает в его руках, понял, что его тело делает то же самое.

Это была пытка. Изошренная. В духе китайских императоров. Уйти он не мог, она бы снова замерзла. Уснуть – тоже. Как спать, если наконец-то можно прикоснуться к коже любимой женщины? И не только прикоснуться, но и погладить, поцеловать, даже лизнуть, почувствовав ее вкус.

Но дальше – облом. Он не мог себе позволить воспользоваться ее беспомощным состоянием. Нельзя требовать от больной женщины адекватного восприятия действительности. Будь она здорова, ему бы никогда так запросто в ее постель не попасть. Но если уж повезло, то нужно держать себя в руках. Главное – не оттолкнуть ее своим напором.

Промаявшись всю ночь, утром осторожно вылез из теплой постели, укоризненно посмотрел на вздувшиеся спереди штаны и обреченно пошагал в ванную. Контрастный душ помог, и он надел свободные брюки, которые не надо было натягивать с помощью акробатических этюдов.

Приготовив омлет, тосты и салат из морепродуктов, задумался, нести это в спальню или подождать, когда она проснется сама.

Ирина проснулась от шума на кухне. Накинув халат, зашла в ванную и с неудовольствием посмотрела в слишком

правдивое зеркало. С удивлением отметила, что вчерашние серость и круги под глазами исчезли. Один день нормальной еды и спокойного сна, и пожалуйста, по ее лицу уже нельзя понять, что она страдает. Это приятно, она не переносит жалостных взглядов.

Что ж, пришло время съездить к родителям и рассказать им о разводе.

Выйдя из ванной, замерла в дверях кухни. Родион в одних брюках, с голым торсом, хозяйничал здесь, как у себя дома. Что это такое?

Это она и спросила у него, присев на диванчик.

– Омлет, салат, йогурт, кофе и прочее. А что, ты хочешь еще чего-нибудь?

Она сглотнула слюну и постаралась заявить как можно строже:

– Я не про еду. Я про тебя!

Он положил ей полную тарелку и сел напротив.

– Ешь давай! – потребовал, но как-то ласково. – А то на голодный желудок ты неадекватно реагируешь. Поешь, так может и вспомнишь, что я здесь живу. Кстати, свои вещи я привез. На первое время хватит. А потом, я думаю, надо будет другую квартиру купить. В этой слишком много ненужных воспоминаний.

Ирина открыла рот, чтобы возразить, но так и закрыла его, ничего не сказав. Чуть посапывая от возмущения, съела все, что он ей предложил, и отодвинула от себя тарелку.

– Спасибо, больше не хочу.

С наслаждением потянувшись и закинув руки за голову, Родион распорядился:

– Посуду вымой! Я готовил, тебе убирать. Все по справедливости!

Она чопорно, будто незаслуженно обиженная королева, вымыла посуду и поставила ее в сушилку. Холодно посмотрела на наблюдающего за ней парня.

– И какие будут дальнейшие распоряжения?

– Одевайся и пойдем гулять. Тебе нужен свежий воздух.

У нее на лице отразилась легкая паника.

– ...Ккуда гулять?

– Да куда хочешь.

Она решительно воспротивилась.

– Не хочу!

Родион встал, сделал шаг к ней и, обняв ее за плечи, заглянул в глаза. С мефистофельской улыбкой проговорил:

– Значит, остаемся? Что будет, ты знаешь. Я не могу постоянно работать живой грелкой. Мне вознаграждение за работу требуется.

Интимный шепот лезвием прошелся по ее напряженным нервам. Он открыто предупреждал ее о том, что будет, если они и дальше будут оставаться наедине. Помедлив, чтобы не терять лицо, она выбрала прогулку. Возможно, повезет, и они не попадутся на глаза никому из знакомых. Это было нереально, но все же не так опасно, как продолжительный

тет-а-тет в ее маленькой квартире.

– Мне надо голову вымыть, прежде чем куда-либо идти.

Родион сделал широкий жест в сторону ванной.

– Тебе помочь?

Она отвергла его щедрое предложение. Тогда он уже серьезно попросил:

– Только дверь не закрывай. Мало ли что. Не хотелось бы вышибать дверь, спасая тебя от обморока.

Она передернула плечами, но двери не закрыла. Показалась из ванной только через час, когда разозленный Родион после многочисленных вопросов «Как ты?» мучительно решал, вломиться в ванную и вытащить ее оттуда, или еще немного потерпеть.

Надев платье, сказала ему, что готова. Он помог ей натянуть босоножки, и они вышли из подъезда.

Шел мелкий дождик, и у подъезда никого не было. Ирина поблагодарила судьбу – хорошо, что на скамейках нет бдительных бабулек. И без того о том, что она гуляла с Родионом, будут знать все соседки.

Она направилась было к посыпанной песком старой дорожке, но Род повернул ее в сторону стоявшей у подъезда иномарки. Усадив ее в машину, осторожно выехал на трассу и спросил:

– Куда едем?

Она посмотрела вперед и попросила:

– Ты не можешь отвезти меня к родителям? Я давно у них

не была.

Он спрятал усмешку в уголках губ.

– Могу. Адрес?

Она ядовито подначила:

– А мне почему-то казалось, что ты все обо мне знаешь.

Род взглянул на нее, припомнил все, что о ней знал, и добавил газу.

Через десять минут остановил машину перед неказистой высоткой и повернулся к потрясенной пассажирке.

– Когда за тобой подъехать? И не вздумай заявлять, что доберешься сама!

Она сглотнула и попросила:

– Часам к семи.

Он кивнул головой, подождал, когда она зайдет в подъезд, и уехал.

Досадуя, что не додумалась позвонить родителям и предупредить о приезде, вдруг их не будет дома, Ирина начала медленно подниматься по ступенькам на третий этаж. Можно было вызвать лифт, но она принципиально заставляла трудиться разленившееся тельце.

На ее счастье мама была дома. Завидев измученную дочь, захлопотала и повела на кухню, чтобы первым делом покормить. Та отказалась и пошла в комнату, где опустилась в старое, но очень удобное кресло. Мать с волнением спросила:

– Как же ты добралась, Ирина? Валерий подвез?

Тут зазвонил Ирнин телефон. Посмотрев на незнакомый

номер, она опасливо ответила:

– Алло! Кто это?

Родион заботливо спросил:

– Как поднялась? Кто-то есть дома?

Она отдала дань его внимательности и ответила:

– Все хорошо. Но откуда ты знаешь мой номер?

Слышно было, как он фыркнул в трубку.

– Ну, как договорились, буду к семи.

Ирина сохранила в памяти номер телефона, положила его в карман и подняла голову. Мать смотрела на нее с вопросом в глазах.

– Кто это был? Валерий?

Ирина болезненно поморщилась.

– Нет. С Валерием мы разошлись. У него другая жена, и она ждет ребенка.

К ее удивлению, мать не стала ахать и охать. Присев рядом, она положила руку ей на колено.

– К этому все и шло. Ты одна не замечала, как он изменился в последнее время – глазки блестят и бегают, весь нетерпеливый такой. Я жеребьячи повадки за версту разбираю. Его уход был только вопросом времени. Но ты не жалея этого пузана. Ты молодая, красивая, у тебя все наладится. Так кто же тебе звонил? И кто привез? Сама ты добраться на автобусе явно не могла.

– Да ты его не знаешь, мама. Это Родион из соседнего дома.

Мать порывисто встала и всплеснула руками.

– Родька! Вот это да! Да как же я его не знаю, он постоянно у нашего подъезда околачивался. Все тебя высматривал. Все окрестные бабки знали, что он в тебя влюблен. Мне соседки говорили, что он лет пять после твоей свадьбы все мимо ходил, хотя ему вовсе не по пути, дом-то у нас угловой, дороги дальше нет. И выходил-таки!

Ирина, крайне изумленная непонятной реакцией матери, попыталась ее образумить:

– Мама, он меня на пять с лишним лет моложе!

Та легкомысленно повела плечами.

– И чему это мешает? Не на пятьдесят же! Кстати, он настоящий мужчина – не отдает то, что считает своим!

Ирина вовсе растерялась. Такого она от обычно рационально мыслящей матери не ожидала.

– Да откуда ты это знаешь, мам?!

– Это сразу видно, Иришка. Ему и в те времена никто не возражал, он зря слов на ветер никогда не бросал, а теперь и подавно. Он властный, никто не спорит, но ответственный и заботливый. Зарабатывает хорошо, его семья живет как у Христа за пазухой, ни в чем отказа не знает. Мать вон каждый год на курорты не по разу катается, а сестре он квартиру шикарную купил. Молодец, одним словом.

Ирине в ее словах послышалась легкая зависть, и она с подозрением посмотрела на мать. Уж не мечтает ли и она прокатиться на курорт за счет Родиона?

Они поговорили еще немного, причем уход Валерия и потеря ребенка в глазах матери отошли на задний план, отесненные появлением Родиона. Мать суетливо строила планы, глаза у нее разгорелись, она была так возбуждена, что Ирина не могла понять, что это с ней такое. Неужели она всерьез принимает появление этого мальчишки?

Когда она спросила у нее, в чем дело, та с упреком посмотрела на дочь.

– Как ты не понимаешь? На Родиона всегда можно положиться! Таких мужчин теперь осталось раз-два, и обчелся. Мужики же измельчали, посмотреть не на кого!

Они замолчали, признавая эту бесспорную истину, но думая каждая о своем. В шесть с работы пришел отец, выслушал невеселые новости, ссутулился и ушел в большую комнату. О Родионе ему не сказали.

Мать кивнула ему вслед.

– Переживает, – голос звучал неодобрительно. – Себя вспоминает, наверное. Ему это понятно. Сам таким же был. Женщин много, и все они лучше постылых жен. Ладно, пойдем, я тебя покормлю.

Ирине почему-то стало неловко.

– Знаешь, мама, я лучше с Родом дома поужинаю... – и замолкла, прикусив болтливый язык.

Если у матери еще были сомнения в том, одна ли живет дочь, то теперь они полностью исчезли.

Ровно в семь часов раздался звонок в дверь. Мать, кинув-

шаяся открывать двери, обомлела, когда элегантный гость презентовал ей роскошный букет роз.

– Это вам, Елизавета Васильевна!

Ирина, смутно надеявшаяся на то, что Род не будет подниматься в квартиру, а просто позвонит ей снизу, смутилась. Зато мать, обожающая розы, расцвела и стала настойчиво звать его в дом. Но он вежливо отказался:

– Как-нибудь в другой раз. Я тороплюсь. Да и Ирина, я думаю, устала.

В прихожую вышел отец и, ничего не понимая, устоял на гостя. Ирина нехотя представила их друг другу. Чтобы избежать неудобных вопросов, в скоростном темпе оделась и, едва попрощавшись, выскочила вон.

После их ухода отец вопросительно посмотрел на жену, но той не хотелось ничего объяснять. Не сглазить бы! Ирина порой бывает такой упрямой и не понимает, что хорошо, что плохо. На невысказанный вопрос мужа ответила:

– Да это просто ее знакомый из соседнего дома.

Отец хмуро заметил:

– Я и не думал, что Валерий такая свинья.

Старясь скрыть охватившее ее радужное настроение, жена ушла на кухню, крикнув по дороге:

– Да он всегда таким был. Скользким. Но, правда, Ирину он любил. Только недолго.

Муж пошел следом.

– Нет, это ему ребенок нужен. Были бы дети, никуда бы

он не делся.

Жена не согласилась.

– Дети только предлог. Козлы они козлы и есть, изначально. Козлиная сущность все равно рано или поздно вылезет, так пусть уж лучше рано. Он пожалеет потом, но ведь прошлого уже не вернуть.

Принявший эти слова на свой счет муж встал и тихонько ушел в другую комнату, с сожалением вспоминая о прошлой глупости, испортившей жизнь и ему, и семье.

Пока Родион ставил машину на стоянку, Ирина разглядывала забитый продуктами холодильник и размышляла, что же ей приготовить. Что любит Родион?

Вздвогнув, осознала, что относится к нему уже как к члену семьи. Неужели в ней разыграл материнский инстинкт, и таким странным образом вылилась тоска по собственному ребенку?

Решив, что голод размышлениями не утолить, приготовила ужин из того, что попроще. И стал ждать Родиона. Он пришел через полчаса, чем-то недовольный. Спрашивать в чем дело, она постеснялась, хотя очень хотелось узнать. Поели они молча. После ужина он предложил ей отдохнуть, а сам принялся прибираться на кухне, и она ушла, почувствовав усталость.

Она с некоторым испугом ждала, что он присоединится к ней, не дождалась и уснула. Спокойно, больше не мерзнув, проспала всю ночь и утром поняла, что Родион этой ночью

к ней не приходил.

Хотя это и было нелогично, но она почувствовала себя обманутой. Но в чем? В собственных ожиданиях? Но она сама была против их близости. И он послушался. Почему же у нее такое странное чувство, будто он ее бросил?

Досада на себя заставила крепко закусить губу и быстро одеться. Скоро на работу, а она до сих пор не знает расписания. Надо сходить в школу.

Заглянув в соседнюю комнату, она замерла – Род, вытянувшись во всю длину, отчего его длинные ноги свисали с дивана, спал, даже не укрывшись одеялом.

Влекомая любопытством, она на цыпочках, боясь дышать, подошла поближе. Его спокойное лицо было загорелым, будто он часто бывал на открытом воздухе. Длинные рыжеватые ресницы отбрасывали чуть заметные тени на впалые щеки. Во сне он казался по-детски беззащитным, и ей захотелось потрогать его волосы, чтобы ощутить, мягкие ли они. Она уже потянулась к нему, но спохватилась и быстро зашагала к выходу.

– Ты куда? – голос был ясным, будто и не после сна.

Она медленно повернулась, краснея, как девочка.

– Мне нужно сходить в школу. Скоро на работу.

Он сел на диван, приглаживая спутанные волосы.

– А ты позавтракала?

Ирина запнулась, не зная, что сказать. И зачем ему это? Валерий никогда не интересовался такими пустяками. Роди-

он, все поняв по ее выразительному лицу, увесисто приказал:

– Сначала поешь! Ты же знаешь, что тебе обязательно нужно нормально питаться!

Повернувшись, послушно поплелась на кухню, чувствуя себя недисциплинированным подростком. Не одеваясь, он пошел за ней, намереваясь проконтролировать процесс.

– Кофе хочешь?

Она отрицательно дернула головой, с трудом запихивая в себя последнюю ложку йогурта.

– Я по утрам вообще ничего не ем. Аппетита нет совершенно.

Глядя, как она с кислой миной допивает налитый им сок, спросил:

– До школы тебя проводить?

Ирина аж побледнела.

– Нет, конечно...

Родион встал и отошел к окну, чтобы она не заметила смеси боли и досады, проявившиеся на лице. Сколько ему еще ждать, чтобы она смирилась с его появлением в своей жизни и перестала прятать его от родни и знакомых?

В школе было тихо – шел урок. Завуч, встретившая ее в коридоре, позвала к себе. Ирине было неловко, будто она не оправдала чьих-то надежд.

– Как вы тут без меня?

Клавдия Ивановна успокаивающе проговорила:

– Нормально. Сама знаешь, в нашей школе учеников ма-

ло, а учителей много. Заменить заболевшего преподавателя не проблема.

Завуч не спросила, как дела у нее, и стало ясно, что все уже все знают. Ирина неуверенно попросила:

– А можно мне работать на полставки? Сил нет, если честно...

Начальница обрадовалась:

– Да без проблем. Шестые классы вести сможешь? Их всего два.

Эта нагрузка не тянула на полставки, но Ирина была довольна. Ей сейчас было не по силам сладить с непоседливыми подростками.

Зайдя в учительскую, ответила на вопросы двух учительниц, ожидающих своих уроков, списала расписание и пошла домой.

Открывая дверь, услышала гудение пылесоса. Неужели Родион вздумал заняться уборкой? Было глупо сравнивать двух мужчин, но Валерий даже мусорное ведро выносил с таким видом, будто совершал непосильный подвиг.

Родион, в одних джинсах, закончил пылесосить ковер в большой комнате, поднял угол, заглянув под него, и сердито бросил:

– Бесполезно. Надо идти выбивать. Вы когда ковры выбивали в последний раз?

Ирина открыла и закрыла рот. Вот это вопросик. Знать бы, когда... Он догадался и сам:

– Давненько, значит.

И стал деловито скатывать ковер, обнажая сероватый от пыли пол. Натянув куртку прямо на голое тело, потребовал выбивалку. Вытащив ее из дальнего угла кладовки, Ирина торжественно, как награду, подала ее парню. Так, наверное, дамы вручали рыцарям мечи перед турниром.

Род постучал выбивалкой по руке, убедился в ее крепости, подхватил ковер и вышел. Через полчаса явился обратно, неся ковер на плече, как побежденного дракона. Увидев чисто вымытый пол, возмутился:

– И кто тебе полы мыть разрешил? А если бы у тебя голова закружилась и ты ударилась? Да еще головой?

Ирина, и без того считавшая, что без сомнения ушиблась головой, если позволяет жить в своей квартире этому типу, возмущенно ответила:

– Не надо так свирепо обо мне заботиться. – И, хотя ей было приятно его неподдельное беспокойство, но необходимо было отстоять свою независимость. – К тому же мыла я шваброй, не наклоняясь, и, как видишь, жива!

Он с неодобрением покачал головой.

– Чтобы этого больше не было! – и сноровисто раскатал чистый ковер. – Ну, как там поживает любимая школа?

Ирина ответила в том же духе:

– А что ей сделается? Стоит.

Бывший ученик со знанием дела констатировал:

– Странно. Ее же взрывали раз десять...

– Да больше, не меньше сотни, перед каждой контрольной... Но после того, как родители последнего позвонившего выложили крупную сумму за ложное сообщение, бедняжку оставили в покое.

Род ухмыльнулся.

– Да? Скучно жить стали, однако. Никаких приключений.

– Приключений в школьной жизни всегда хватает, даже слишком, – уточнила Ирина.

Родион усмехнулся, встал и, учтиво предложив ей руку, пригласил:

– Пойдем поедим.

Ирина хотела отказаться, она вовсе не хотела есть, но вместо этого приняла его протянутую руку, покорно поплелась на кухню. К ее ужасу, там ее ждал полноценный обед из трех блюд. С трудом съев все, что ей было велено, откинулась на спинку диванчика и уныло констатировала:

– После месяца такой кормежки мне ни в одни двери не протиснуться.

Он бодро заметил:

– Проблемы будем решать по мере их возникновения, а не заранее. – И отправил поспать после обеда, как положено всем выздоравливающим.

Ирина пошла спать, для порядка недовольно ворча себе под нос.

Проснулась она от почти невесомого поглаживания по волосам. Вначале ей даже показалось, что волосы перебирает

легкий ветерок, но едва открыла глаза, как перед ней возникло близко, очень близко лицо Родиона. Она лихорадочно облизала враз пересохшие губы, и он уставился на них воспаленным взглядом. Ирина испуганно отшатнулась, и он неслышно чертыхнулся.

– Проснулась? Может, пойдем, погуляем? Погода чудесная.

Она поспешно согласилась, рассудив, что это безопаснее, чем сидеть здесь в опасном интиме.

Едва они вышли на улицу, как наткнулись на соседку тетьку Валю. Она окинула их цепким взглядом, изобразила приятную улыбку и поздоровалась. Ирина ответила в том же духе и быстро увела Родиона подальше. Он недовольно заметил:

– Нет чтоб поговорить с человеком, у нее наверняка накопилась к тебе масса вопросов, вон как она смотрит нам вслед... – Род был насмешлив, ему не понравилась скорость, с которой его увели из опасной зоны.

– Не люблю, когда судачат за моей спиной.

– Вот и надо было ответить на все вопросы самой, чтобы не было сплетен. Слухи рождаются от незнания!

Она ничего не сказала, но насупилась, и они молча пошли по утоптанной тропинке на берег реки. Родион крепко держал спутницу под руку, и они казались вполне довольной своей жизнью супружеской парой.

Ирина задумалась, и не сразу поняла, что они окружены целой группой парней, молча их разглядывающих. Очнув-

шись, с ужасом уставилась на угрожающе молчащих, как ей казалось, парней. Вдруг один из них, размахнувшись, стукнул Родиона в плечо. Тот отскочил от Ирины, чтобы ей не досталось, и двинул нападающего в ответ. Тот ударил снова, и они, схватившись, покатались по земле, как мальчишки, выясняющие, кто из них сильнее.

Ирина застыла на месте, чувствуя, как горло перехватывает спазм, и отказывают ноги. Она бы упала, если бы стоявший неподалеку парень не успел ее подхватить и гаркнуть:

– Эй, идиоты, кончайте! Родька, твоей даме плохо!

Тот тотчас оторвался от напавшего, и с воплем:

– Черт, вот не вовремя пристал! – кинулся к ней, обхватил за талию и заглянул в глаза. – Ирина, да это просто мои друзья! Я же здесь вырос! Успокойся, это у нас игра такая! – И, обратившись к поднявшемуся с земли парню, сердито рявкнул: – Идиот! Ты мне жену до полусмерти напугал!

Парни уставились на Ирину с новым интересом.

– Жену? Ну и ну! – и ударивший Рода парень пристальнее взгляделся в ее черты. – Да это же Ирина! Вот блин! Ну ты даешь, Родька! Поздравляем! – больше ничего сказано не было, но Ирина чувствовала, что, не будь ее рядом, вопросов было бы не в пример больше.

С беспокойством глядя на Ирину, Родион заметил ее бледность, вздохнул и повел домой. Она никак не могла справиться с волнением и, едва зашла в квартиру, вдруг залилась звонким смехом, который никак не хотел останавли-

ваться. Родион усадил ее на диван и стал растирать окочевшие руки, приговаривая:

– Все хорошо, все хорошо!

Но смех не умолкал, и Ирина уже начала задыхаться, глядя на него отчаянными глазами. Ей не хватало воздуха, и она испугалась, что еще вот-вот, и она задохнется. Родион выругался и вдруг с силой прижал ее к себе, закрыв ей рот твердыми губами. Она с изумлением почувствовала во рту его язык, и приступ тут же прекратился.

И вдруг, будто выпущенное на волю, ее охватило неизвестное ей прежде вожделение. Она обхватила его за шею и тесно прижалась к нему, даже не пытаясь подавить охвативший ее трепет.

Прекрасно понимая, что это просто реакция на стресс, Родион попытался отцепить ее руки, зная, что потом она обо всем пожалеет, но Ирина еще сильнее вцепилась в его плечи, тяня на себя, и он сдался. Он же не железный.

Быстро снял с нее одежду, разделся сам, лег рядом с тяжело дышавшей женщиной и принялся ласкать ее подрагивающими руками. На каждое его движение Ирина отзывалась с такой нескрываемой жадью, что долго продолжать ласки он не смог...

Уткнувшись носом в ее висок, думал, что недаром ждал столько лет и не понимал, как Валерий мог добровольно отказать от подобного блаженства. А может, блаженства и не было? Может быть, это даровано только им двоим? Подняв

голову, тихо спросил:

– А с мужем у тебя что-то подобное было?

Она поежилась от нетактичного вопроса, но все же сухо ответила:

– Не помню...

Он понял.

– Значит, не было. Такое не забывается. – Привстав на локте, он поцеловал ее глаза и восторженно заявил: – Я всегда знал, что мы созданы друг для друга!

Пафос этого заявления смутил ее до тумана перед глазами, и она стала подниматься. Он испуганно спросил:

– Ты куда?

– В ванную.

Он с готовностью предложил:

– Давай вместе! Я тебе помогу!

Ирина, представив итоги этой помощи, отказалась:

– Нет уж, я сама!

Пока она принимала душ, зазвонил сотовый, и Родион, выслушав сообщение, буквально закрипел зубами. С тоской поглядев на Ирину, извинился.

– Прости, но мне придется ехать по делам. Вернусь поздно, не жди меня. Не сердись, пожалуйста.

Он уехал, а Ирина, пошатавшись по пустой квартире, вдруг почувствовала одиночество. Поняв, что скучает вовсе не по Валерию, позвонила подруге. Сообщила ей о разводе, ничего не сказав про Родиона, но Светлана, заподозрив

неладное, заявила, что немедленно приходит. Через десять минут за чашкой чая принялась выпытывать подробности.

Ирина попыталась перевести разговор на школу, в которой они вместе работали, но подруга обличающе уставилась на сумку Родиона и мужские прибалдаи, небрежно висевшие на стуле, и потребовала объяснений. Пришлось все рассказать.

Света восхитилась.

– Слушай, Ирка, это же здорово. Самое то, что доктор прописал. Про твоего малолетнего ухажера, кстати, знали все... А малыш вырос, и весьма. И как он в постели? Лучше Валерия?

Ирина замялась, но Светлана все поняла и без слов:

– Значит лучше. Причем во всех отношениях. И держись за него, что ты такая унылая? Такой шанс судьба дает, радуйся, давай!

Ирина панически прижала руки к груди.

– О чем ты говоришь? Он же намного моложе меня!

Света проницательно поправила:

– Ты боишься не того, что он моложе, а того, что ты старше. И что он бросит тебя, как и Валерий, едва ты ему доверишься...

Ирина немного зарумянилась.

– Ну, в общем, да...

Подруга с торжеством в голосе спросила:

– Если ваша разница в возрасте не волнует его, почему

это должно волновать тебя? К тому же Валерий был старше тебя на шесть лет, и где он теперь?

Ирина давно свыклась с некоторой бесцеремонностью подруги, но сегодня она ее чертовски раздражала.

– Ты лучше признай, что равнодушна к нему...

Ирина закричала:

– Конечно, как я могу быть к нему равнодушна, если он вломился в мою квартиру, живет тут, спит в моей постели, ест в моей кухне?...

Светлана попросила:

– Эй-эй! Потихе, я пока еще не глухая. Хотя и оглохну, если буду выслушивать подобные вопли. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, и не прячься за пустыми отговорками.

Ирина уныло призналась:

– Да как я могу его любить, если, по сути, он мой ученик? Ну, я его не учила, но ведь могла учить! – Ответила она недоверчиво вздернутым Светланиным бровям. – Когда я пришла в школу, мне было двадцать два, ему семнадцать.

Светлана напомнила:

– А Элеонора Петровна? А Валентина Николаевна? А если напрячься, то можно еще пяток имен припомнить...

Ирина призадумалась. Эти учительницы и в самом деле вышли замуж за своих учеников и были умеренно счастливы. Крыть было нечем.

– Так что подумай, подруга, и брось свои смешные замо-

рочки! Живи полной жизнью...

Ирина бестолково промямлила:

– Да я не знаю даже, нравится он мне или нет, не то что люблю. Не могу разобраться. Столько всего навалилось...

Светка бросила на подругу скептический взгляд, но промолчала.

Они попили чаю, обсудили всех своих знакомых, но Светлана не уходила, чего-то ожидая. Наконец, оправдывая ее надежды, появился Родион. Он принес вкусный торт с шоколадом, взбитыми сливками и орехами.

Они снова, все вместе, попили чаю. Ирина с каждой минутой все больше впадала в прострацию, наблюдая за Светланой, беззастенчиво кокетничающей с Родом. Она и в глаза ему заглядывала, и руки на плечи клала, и в щеку целовала. Только что в постель с собой не уложила.

Сначала Ирина терпела, не понимая, что это случилось с подругой, потом в душе начал подниматься жаркий протест, как будто у нее пытались отнять что-то по-настоящему дорогое. Когда ее глаза сами по себе принялись шарить по столу, чтобы огреть ту чем-нибудь увесистым, она вдруг осознала, что примитивно ревнует. Как это? Да она в жизни никого не ревновала, даже Валерия...

Обескураженная этим поразительным открытием, притихла, пытаясь осознать открывшуюся истину – она вовсе не так равнодушна к Родиону, как считала прежде.

Развеселившаяся Светлана наконец собралась уходить. В

дверях она подмигнула Ирине, загадочно поинтересовалась:
– Ну как? Разобралась? – и ушла, пожелав на прощанье счастья.

Род, тоже провожающий гостью, с подозрением взглянул на Ирину.

– В чем это ты должна была разобраться?

Не зная, что ему ответить, она попятилась к кухне и про-
бормотала:

– Да так, ни в чем... – И быстро скрылась, приговаривая: –
Мне еще на кухне прибраться надо...

Он последовал за ней, помогая убирать со стола грязную посуду. Поняв, что внятного ответа от нее не дожидаться, принялся рассуждать, внимательно наблюдая за ее реакцией.

– Так, в чем можно разобраться, наблюдая, как твой любовник, – Ирина поморщилась, ей резало ухо это откровенное слово, – атакован собственной же подругой? Или в коварстве подруги, в чем я сомневаюсь, либо в собственных чувствах. Ну, в чем ты, наконец, разобралась? В том, что я тебе хоть немного дорог?

Ирина вздрогнула, и чашка жалобно звякнула в ее руках. Род властно вынул из ее рук посуду, поставил в мойку, перекрыл воду и, не обращая внимания на капли, падающие с ее ладоней, обнял и крепко поцеловал. Не сопротивляясь, она закинула руки ему за шею и прижалась всем телом, с удовольствием ощущая его незамедлительный отклик.

Уже засыпая после нескольких упоительных часов, она

вдруг подумала, что Родион за всю неделю, что здесь живет, ни разу не включал телевизор. Это было так странно, что она пристально на него посмотрела. Он не спал, наблюдая за ней внимательным и ласковым взглядом.

– Ты не любишь телевизор?

Он изумился.

– Почему тебя это так волнует? А, твой бывший больше любил телевизор, чем тебя? Не волнуйся, я не променяю тебя ни на какие сомнительные удовольствия. Уж с телевизором тебе конкурировать никогда не придется. Да и ни с кем прочим – тоже. Так что успокойся. Лучше поцелуй меня! – и он потянулся к ней.

Ирину напрягала легкость, с которой он вычисляет ее тайные страхи и потребности. Но, взглянув на его нежно усмехающееся лицо, вздохнула, поудобнее устроилась на его руке и прижалась к его губам. Это вдохновило его на новые подвиги, и уснули они уже под утро, изнемогшие от любви и блаженства.

На следующий день он пригласил ее в ресторан. Ирина надела свое лучшее платье, подкрасилась и вышла к ожидающему ее Родиону. Она ожидала, что он ее поцелует, но он, отступив на шаг, философски проговорил:

– Никогда не нужно начинать то, что не можешь закончить.

Вывел спутницу из дома, усадил в вызванное такси и повез в ресторан.

Играла тихая ненавязчивая музыка, пары танцевали перед эстрадой. Их столик стоял у окна, почти в углу. Публики в ресторане было немного, в такую чудную погоду народ предпочитал парки и летние кафе.

Они выпили хорошего сухого вина, потанцевали, поужинали и уже собирались домой, когда в ресторан забрела шумная компания. Несколько парней и девушек устроились неподалеку от них, и Ирине не понравилось выражение лица посуровевшего Родиона.

Громкоголосая девица, озиравшаяся по сторонам, увидела его и с воплем «Родька» – кинулась к ним. Она хотела устроиться на его коленях, но он ее недовольно отстранил, и ей пришлось удовольствоваться стулом за их столиком.

Переведя подвыпивший взгляд на Ирину, девица пренебрежительно присвистнула:

– И кто эта тетя? Неужели очередная краля? И надолго? Ты со мной прожил полгода, с Ленкой – тоже! Теперь, небось, у этой дурочки обитаешь? И что, шесть месяцев уже прошли или только на исходе? Это же твой предел! – она скривилась и язвительно спросила у Ирины: – И сколько времени у тебя осталось, старушка?

Ирина побледнела, а Родион потемнел:

– Прекрати пороть ерунду и не смей говорить в таком тоне с моей женой!

Девица откровенно заржала.

– И которая она по счету жена? Ленка тоже себя твоей

женой считала, пока на аборт не пошла, после чего ты же ее и бросил...

Родион яростно сверкнул глазами.

– Я всегда предохраняюсь, если помнишь! И не надо навешивать на меня чужие грехи. У Ленки кроме меня поклонничков было не сосчитать. Я сам парочку знаю. Я, кстати, предлагал ей родить и сделать генетическую экспертизу, чтобы ребенка воспитывал его биологический отец. Она не захотела, видимо, было что скрывать. Так что обвинения не по адресу.

У Ирины перехватило дыхание, и она прикрыла глаза от острой боли, пронзившей сердце. Вот как! Ему ничего не стоит сделать своей сожительнице ребенка, а потом безжалостно ее бросить. Какая же она наивная дура! Старуха уже, как говорит эта особа, а все верит в детские сказочки...

Родион с отчаянием посмотрел на обострившиеся черты Ирины, не зная, как убедить ее, что она по-настоящему ему дорога, и ничего из сказанного к ней отношения не имеет.

Он мягко поднял ее с места и повел к выходу. Вслед им несло:

– Еще пара месяцев, и ты будешь трахать другую идиотку!

В такси никто из них не прерывал удрученного молчания. Но едва они вошли в квартиру, как Родион категорически заявил:

– Эта ерунда к тебе никакого отношения не имеет! Поверь. И я ни у кого не жил. В гости приходил, бывало, с но-

чевками. Но не ждешь же ты, чтобы я был наивным девственником!

Она хотела пройти в комнату, оставив его страстную речь без ответа, но он, схватив ее за плечи, с отчаянием воскликнул:

– Не уходи! Скажи мне что-нибудь! Ударь, если так хочется, но не молчи!

– Уходи! – от этого слова он побледнел, но упрямо заявил:

– Нет! Я тебя люблю! И всегда любил! Этого я никому не говорил. Всегда всех своих подруг предупреждал, что люблю другую женщину. И ты меня любишь тоже, я же вижу. И не вздумай все разрушить из-за завистливых слов вздорной бабенки. Я тебе это сделать не дам! И никуда не уйду!

Она холодно пожала плечами, освободилась от его рук и пошла в комнату. Он остался стоять в коридоре с безвольно опущенными руками. Когда он попытался войти за ней, Ирина остановила:

– Я не хочу, чтобы ты сюда входил.

Родион пропустил категорическое предостережение мимо ушей и одним прыжком заскочил в комнату. Опрокинув ее на кровать, стал целовать с все возрастающим напором. Она не сопротивлялась, но и не отвечала.

Закончив, он уснул рядом с ней, обхватив за талию и уткнувшись носом в шею. Когда она пошевелилась, пытаясь выбраться из-под его тяжелой руки, он напрягся, не отпуская, и для верности положил ногу на ее бедро. Вцепился в

нее, как ребенок в желанную игрушку. Настроения ей эта мысль не подняла.

На следующий день она проснулась одна. Род ушел что-то выяснять в свою контору, оставив ей записку: «Ирина, я тебя люблю и никогда не оставлю! Жди меня! Целую, Род.»

Она брезгливо посмотрела на бумажку. Что ж, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. То есть если Родион не желает убираться из ее квартиры, то уедет она. До осени, за это время он поймет, что и в самом деле ей не нужен, и смотается.

Позвонила на работу, попросила дать отпуск пораньше. Потом подруге, живущей в небольшом поселке на берегу Аральского моря, узнала, что та с удовольствием ее примет. Быстро, чтоб не застал Род, собралась и рванула на вокзал. На ее удачу, в проходящем поезде нашлось верхнее купейное место, и она уехала, всеми силами стараясь убедить себя, что поступает верно.

Первое время она рвалась обратно, мечтая вновь попасть в сильные руки Родиона, но развеживающее бездействие, солнце и вода сделали ее вялой и апатичной.

В конце августа поехала обратно, размышляя, что скажет матери о своем безобразном, на ее взгляд, поведении. По телефону она ни разу не призналась, где отдыхает. Мать несколько раз весьма рассерженно говорила о разыскивавшем ее Родионе, но Ирина переводила разговор на другое или вообще его прерывала.

Подъехав к дому, с опаской посмотрела на свои окна. Ничего не заметив, поднялась к себе. Открыла дверь и осторожно вошла. Следов Родиона нигде не было, и она смахнула слезу облегчения. Ведь это было облегчение, и ничего больше...

Октябрь был совершенно стандартным – с частыми морозящими дождями и редкими погожими деньками. В школе дела шли как обычно, и Ирина почти не вспоминала Родиона. Или, вернее, делала все, чтобы его не вспоминать. И уж вовсе позабыла Валерия, вытесненного из памяти бурными последующими событиями.

Она изрядно поправилась, причем на талии перестали сходиться юбки и брюки, которые носила до беременности. Ну что ж, пережив такой стресс, поневоле ешь больше, чем обычно. Порой на нее нападал настоящий жор, и она кралась на кухню, стыдясь самой себя, и до отвала наедалась.

Светлана, наблюдающая за ней все это время, мрачно подытожила:

– Ирка, еще немного, и ты будешь похожа на барабан. У тебя булимия, точно. Бросай жрать, или превзойдешь в габаритах Клавдию Петровну.

Поскольку в пресловутой Клавдии Петровне было никак не меньше ста пятидесяти килограммов, Ирина продержалась неделю на кефире, но после этого сорвалась и всего за неделю набрала еще пару килограмм.

Светлана, обойдя ее кругом, поставила диагноз:

– Нет, у тебя точно булимия. Тебе к психотерапевту надо. Кстати, если бы я не была в курсе твоих проблем, то решила бы, что ты беременна.

– Издеваешься? У меня после родов даже месячных не было, наверняка что-то повредила. К тому же беременной я быть просто не могу, Родион постоянно предохранялся. Ему детей не нужно. Да и я в первый же день беременности на стенку лезу от запахов, еды и прочего. Сама же знаешь!

Подруга, прекрасно помнившая ее мучения в прошлые беременности, повторила свой совет сходить к психотерапевту, чтобы покончить с обжорством, и отступила.

В конце января Ирина, глядя на свой вспухший живот, с ужасом поняла, что у нее какая-то страшная опухоль и, трясясь от ужаса, отправилась сначала к терапевту, а уж он направил ее к гинекологу. Та, осмотрев ее, просто ахнула от изумления.

– Да ты беременна, голубушка, и весьма приличным сроком! Давай-ка на УЗИ, поставим срок точно.

На УЗИ флегматичная медсестра безучастно проговорила, вода по ее животу прохладной трубкой и глядя на монитор:

– Двойня. Срок недель двадцать-двадцать одна. Пол определить не могу, но дети развиваются нормально.

Чувствуя себя фантастически, будто внезапно попав к инопланетянам, Ирина вернулась к врачу. Та сосредоточенно решала, что делать.

– Какая группа крови у отца детей? – Что это не прежний муж пациентки, сомнений не было.

Ирина, раздавленная противоположными чувствами, меланхолично ответила:

– Не знаю.

Врач, повидавшая на своем медицинском веку и не такое, настойчиво уточнила:

– А выяснить сможете?

Ирина нашла в себе силы лишь кивнуть. Довольная врачиха прищелкнула пальцами.

– Чудненько! В общем, так: выясняете группу крови и моментально ко мне. Если группа не подходит, то сей же час на сохранение, а если все нормально, то на прием через две недели. Завтра быть у меня с группой крови.

В совершенно растрепанных чувствах Ирина притащилась домой. С чистой совестью, уже ни в чем себя не виня, навернула тарелку супа – детей ведь надо кормить, – и задумалась над заданием гинеколога, запретив себе думать о более неприятных вещах. Как же ей узнать, какая группа крови у Родиона, не спрашивая об этом у него?

Ей пришлось в голову спросить у школьной медсестры, ведь медицинские карты на всех учеников еще долго хранятся и после их выпуска, но тут же от этой идеи отказалась. Спрашивать Марию Степановну это то же, что сделать объявление по школьному радио.

Она подождала, когда в домах начал зажигаться свет, и по-

смотрела на дом напротив. В квартире Рода горел свет. Глубоко вздохнув, будто собравшись прыгать в холодную воду, оделась и отправилась туда. Неуверенно позвонила, молясь, чтобы его не было дома. Дверь открыла улыбчивая немолодая дама и с сочувствием посмотрела на бледное лицо гостя.

Надеясь, что ее не узнали, Ирина, чуть запинаясь, спросила:

– Вы мама Родиона?

Хозяйка кивнула и пригласила ее войти. Ирина отказалась. Быстро выпалила:

– А какая у Родиона группа крови?

Ответ показался ей фантастическим:

– Третья отрицательная.

Ирина полуобморочно пролепетала «спасибо» и, не обращая внимания на приглашение зайти в квартиру, чтобы поговорить, быстро спустилась вниз.

У них нет конфликта крови! Поэтому и беременность протекает так спокойно.

Но скоро на смену эйфории пришли мрачные прагматические расчеты. Одной ей детей не поднять. Если бы один, а то двойня!

Мысль рассказать все Роду была откинута сразу – он же всегда предохранялся, и ее беременность будет воспринята им, мягко говоря, недоверчиво. Она прекрасно помнила, что он ответил неизвестной ей Ленке – роди, сделаем генетиче-

скую экспертизу. Через подобное унижение она проходить не собирается.

Значит, и говорить с ним не о чем. Ласково пообещав малышам, что у них все наладится и будет хорошо, легла в постель, но уснуть не могла, долго глядя в потолок.

Через две недели с вахты вернулся Родион. Был уже поздний вечер, когда он, приняв душ, сел ужинать, мрачно глядя в стол.

Исподтишка разглядывая его похудевшее, с ввалившимися щеками лицо, мать гадала, когда же можно будет рассказать сыну о визите Ирины.

Но вот Род поел и ушел в свою комнату. Елизавета Васильевна, прибрав на кухне, пошла к нему. Он стоял в своей обычной позе, прислонившись лбом к стеклу и смотря вниз, на светящиеся окна напротив. Даже головы не повернул.

Немного покашляв, она сказала:

– Тут недавно Ирина приходила...

Спина сына напряглась, но он не пошевелился.

Она несмело продолжила:

– Она спросила, какая у тебя группа крови...

Родион медленно развернулся. Они молча смотрели друг на друга, уже все понимая. Наконец он победно расправил плечи и со словами:

– Все, теперь ей от меня никуда не деться! – быстро надел куртку и вышел в темноту.

Перед Ириниными дверями подбросил на руке ключи, раздумывая, позвонить или сразу открыть двери. Решив не давать ей ни единого шанса отказаться от разговора, решительно открыл дверь и вошел внутрь.

Удобно устроившись на диване, устроив ноги на банкетке, Ирина внимательно читала какую-то книгу. Подняв глаза, увидела Родиона и смятенно облизала внезапно высохшие губы.

Род большими шагами прошел в комнату и встал перед ней, чуть покачиваясь на носках. Она заворожено следила за ним обеспокоенным взглядом.

– Ну, и что мы теперь будем делать? – простой вопрос показался ей судным гласом.

– Что мы будем делать? – непонимающе повторила, пытаясь понять, что он знает.

– Ты носишь моего ребенка, не будешь же ты этого отрицать?

Она посмотрела на него с подозрением.

– А ты уверен, что он твой? Ты же всегда был крайне осторожен...

– Я предохранялся только потому, что считал, что тебе нужно отдохнуть, а вовсе не потому, что не хотел от тебя детей. И, как ты знаешь, ни одно из средств контрацепции не дает стопроцентный результат. Что мы, к счастью, и наблюдаем...

Присев рядом с ней, он с благоговением положил руку ей

на живот.

– И когда он появится на свет?

– Они. Их двое. В феврале...

Он запрокинул голову и расхохотался.

– Ну и силен же я! Насколько я знаю, ни у тебя, ни у меня близнецов в родне не было. Значит, это целиком моя заслуга...

Ирина покосилась на него, потихоньку заражаясь его радостью. На душе становилось все легче и легче, и губы начали сами складываться в легкомысленную улыбку.

– Ну ладно, завтра пойдем, подадим заявление в ЗАГС.

Она с иронией посмотрела на него.

– Когда ты перестанешь командовать? И вообще, сначала предложение делают. Традиция, знаешь, такая есть. Но ты, похоже, этого не знаешь, да и не умеешь...

Он согласился:

– Конечно, никогда не пробовал, опыта нет. Но попытаюсь.

Торжественно преклонив перед нею колени, взял ее руку, прижал к груди и попросил, чинно склонив голову:

– Милая, выходи за меня замуж, я тебя люблю и буду беречь всю свою жизнь, клянусь!

Почувствовав себя юной и шаловливой девчушкой, она капризно протянула:

– Ну, если ты хорошенько попросишь...

Он многообещающе протянул:

– Конечно, попрошу хорошенько!

И плавным движением обнажил ее колени. Когда его горячий язык прочертил огненную дорожку наверх, она вспыхнула и быстро согласилась:

– Да-да, я согласна!

Промычав:

– Правильное решение! – он продолжил свой нелегкий труд.

Потом, лежа рядом с ней на диване и крепкой рукой поглаживая кругленький животик, стал расспрашивать, как она себя чувствует. Ему было интересно все, вплоть до незначительных мелочей. Порой от его нескромных вопросов она запинаясь, и ей приходилось говорить себе, что стесняться нечего. Наконец и ей удалось задать ему давно интересующий ее вопрос:

– Ты знал, что у нас одинаковая группа крови?

Он признался:

– Знал. Мне еще лет десять было, когда участковая педиаторша сказала матери, что у нее на участке двое детей с такой группой крови – ты и я. И добавила: если бы не разница в возрасте, мы были бы идеальной парой.

Ирина даже привстала.

– Так это в тебе просто разыграли детские фантазии?!

Родион твердой рукой уложил ее обратно и для верности обхватил за животик. Немного насмешливо рассмеялся, со снисходительной нежностью глядя на нее, и она вновь, как

это постоянно бывало в его присутствии, почувствовала себя сконфуженной и не очень умной девчонкой.

– Знаешь, когда ты замуж вышла, я попытался доказать себе, что все бабы одинаковы. Девочек перебрал – даже мать сердилась. Но понял, что ты – моя, уже в двадцать, после того, как выяснил, что в любой партнерше вижу только тебя. Так что такая вот она, любовь. Никуда от нее не денешься, лучше и не пытаться.

Еще раз с умилением погладив ее живот, признал:

– Хуже последних месяцев в моей жизни ничего не было. Как изгнание из рая. Прихожу домой с цветами, мечта единственная – тебя обнять, а тебя нет. Месяц нет, два нет. А тут на вахту посылают, больше ехать некому. Пришлось ехать, аж на несколько месяцев. Приезжаю, тоска – аж в глазах черно, и вдруг мать говорит, что ты узнавала мою группу крови. Я будто очнулся. Я тебя очень прошу – не сбегай больше. Никогда. Лучше покричи на меня, ударь, если тебе захочется, но не уходи. Не знаю, как я выжил...

Ирине стало стыдно. В самом деле, она думала только о себе, нимало не беспокоясь, каково ему. И вместо того, чтобы поговорить открыто, выяснить все недоразумения и страхи, сбежала. А все потому, что жутко в себе не уверена. Но за это благодарить надо Валерия...

Он просительно на нее посмотрел.

– Ты знаешь, что все должно быть взаимно?

Ирина вопросительно посмотрела на него.

– Ты никогда мне не говорила о любви...

Застенчиво зарумянившись, она притянула его к себе и тихо призналась:

– Я тебя люблю!

Двадцать второго февраля Родион сидел в палате для папаш около родовой. Слыша стоны рожениц, покрывался холодным потом. Он привез жену четыре часа назад и до сих пор не услышал утешительного известия. К Ирине его не пускали, мотивируя ее решительным запретом. Он знал, что Ирина боится выглядеть непрезентабельно, и не понимал, почему.

Не верит в его любовь? Не понимает, что она дорога ему любая? Он обессиленно положил голову на спинку стоящего впереди стула. Если бы он мог что-нибудь сделать, а не маяться здесь в неизвестности! Ему казалось, если бы они были вместе, он мог бы ей помочь, и было бы легче обоим. Решительно встав, направился к родовой, но тут из нее появилась акушерка в плотной марлевой повязке.

– Вы Нестеров? Поздравляю! У вас двойня – дочь и сын.

Он выдохнул:

– А как жена?

– Прекрасно. Было трудно, но она справилась. Ни одного разрыва. Устала только, но это понятно. Через два часа переведем в палату.

– А мне зайти можно? Сейчас?

Она с сомнением посмотрела на бледного папашку.

– Хорошо, зайдите. Только халат наденьте и повязку.

В родовой сильно пахло кровью и лекарствами, и он пожегился. Ирина лежала на длинной высокой кушетке, едва прикрытая простыней. У ее груди попискивали два живых комочка с ручками, ножками и огромными головками. С опасением поглядывая на них, он поцеловал жену и спросил:

– Ну, как ты?

– Чудесно! Устала, но это даже приятно.

Он снова покосился на новорожденных. Медсестра, посмеиваясь, забрала сначала одного, потом другого новенького человечка и унесла их на обработку.

...Детей называли одинаково – Александр и Александра, Сашенька и Санька. Бабушки постоянно суетились возле внуков. Конкурентная борьба была в самом разгаре. Ирина в который раз подумала: как хорошо, что малышей двое – по одному на бабушку.

За два года с рождения малышей многое изменилось – после отказа жены переехать в более просторную квартиру Родион купил две соседние, объединил весь этаж в одну, снес перегородки, и получилась одна весьма вместительная четырехкомнатная квартира. Вначале она казалась Ирине слишком большой и некомфортной, но постепенно она привыкла к простору и квартира стала ей нравиться.

...Дети спали, когда в дверях раздался скрип ключа. Ирина с удивлением посмотрела на часы. Для Родиона слишком рано. Вспоминая страшные случаи из передачи «Крими-

нальное чтение», осторожно выглянула в коридор и чуть не упала. Там, удивленно озираясь, стоял Валерий. Он обрюзг, лицо пересекли недовольные складки, на макушке появилась круглая лысинка.

Ирина ахнула про себя. Как же она забыла, что у бывшего мужа остались ключи! В голове вертелась одна мысль – немедленно поменять замки!

Увидев ее, он потянулся к ней, будто хотел поцеловать по многолетней привычке, но она неприязненно отшатнулась.

– Как здесь все изменилось... – Он вдруг горячо заговорил, глядя на нее щенячьими глазами. – Я так ошибся, милая! Эти три года без тебя оказались настоящей пыткой! Я понял, что мне не нужны дети, лишь бы ты была рядом. Сможешь ли ты меня простить, а иначе мне незачем жить... – Он схватил ее за руки и прижал их к груди. – Понимаешь, мне с Ларисой так некомфортно! Так тяжело! – она морщилась, слушая казенные слова и не понимая, Валерий ли так изменился, или это она не замечала раньше его черствости. Он так же легко предавал теперешнюю жену, как в свое время ее саму. – Вернись ко мне, я очень тебя прошу!

Он сделал попытку встать на колени, но тут из детской в смешной желтенькой пижамке босиком выкатилась Сашенька, сонно потирая глазки. Валерий молча уставился на нее. Ирина быстро подхватила малышку на руки.

– Это твоя дочь? – Ирина молча кивнула. – Но как же это? Она нехотя пояснила:

– У меня с мужем одинаковая группа крови, и резус отрицательный. Поэтому и конфликта крови нет.

Он обхватил голову руками.

– Выходит, в том, что у нас не было детей, моя вина? – и внезапно выпалил: – Надо было тебе забеременеть от другого, и я вырастил бы твоего ребенка, как своего...

Ирина возразила:

– Это ты сейчас так говоришь. А вот если бы я сказала тебе об этом до развода, ты бы меня, мягко говоря, не понял...

Валерий ничего не успел ответить – на пороге нарисовался Родион. Увидев Валерия, иронично поприветствовал:

– О, какие люди! – гость напрягся, но ничего не ответил. – Ну, я думаю, вы уже наговорились, и позвольте мне сопроводить вас отсюда в безопасное место! – и хозяин с откровенной угрозой поиграл накаченной мускулатурой.

Валерий уныло поднялся. Доведя гостя до порога, Родион четко произнес:

– Надеюсь, ты запомнишь, что Ирина теперь – чужая жена и больше в нашу жизнь лезть не будешь! А то как бы мне не пришлось принимать адекватные меры!

Валерий вышел на улицу и огляделся. Сколько лет этот старый двор был для него родным... Увидев его, дворник отставил метлу в сторонку и подсел к нему на скамейку.

– Что, жалеешь?

– Еще как! – откровенно подтвердил, крепко поглаживая лысеющую макушку.

Дядя Федя не удивился.

– Да это сразу было ясно. Ирина, она ведь драгоценность, а твоя Лариска простой поделочный камень. Такую мену только дураки делают. Родион, он умный. И упорный. Столько лет ждал. И дождался. И в вашу семью не лез – знал, что Ирина сама от тебя не уйдет. Она совестливая. И дождался. А ты что теперь – живи с новой женой и ребенком. Этого ведь и хотел?

Валерий поднял голову и тоскливо посмотрел на когда-то родные окна.

– Да не нужны мне ни жена эта, ни ее ребенок!

Дядя Федя коротко хохотнул.

– Да это всегда так. Ежели баба не нужна, то и дите тоже. Мужик – это же самец, он о самке думает. А самка – о детях. Но мужчины тем от животных и отличаются, что терпят. И ты терпи. Главное – не спейся, это дело нехитрое. А про Ирину забудь. Родион ее не отдаст, и не надейся. Он мужик упертый, да и любит ее давно.

Тут у Валерия в кармане раздалась бравурная мелодия. Он со злым лицом вытащил из кармана мобильник и рявкнул:

– Слушаю! – в телефоне что-то протрещало. – Он безрадостно вздохнул, рявкнул в трубку – сейчас буду! – и подал на прощанье руку сидящему рядом старику. – Мне пора! – В последний раз кинув тоскливый взгляд на засветившиеся в высоте окна, прошептал: – Прощай, мое счастье! – и, загре-

бая ногами осеннюю листву, побрел к стоявшей неподалеку машине.

Дядя Федя, с хитрецей смотревший ему вслед, дождался, когда автомобиль выедет на дорогу, взял стоявшую у деревца метлу и стал сметать укоризненно шуршавшие опавшие листья.

Конец